

Л. Хеймсон

**ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ
В ГОРОДСКОЙ РОССИИ НАКАНУНЕ ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИИ:
СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД***

L.H. Haimson. The Problem of Political and Social Stability in Urban Russia on the Eve of War and Revolution Revisited. The article is devoted mainly to the political crisis in Russia during the First World War and to «polarisation» of the social strata, as well as to changes in the internal structure of the working class and its radicalisation during the war (on the example of Petrograd). The author shows the changes, which his position concerning the character of the political and social crisis in Russia on the eve and during the World War has undergone after the publication of the first article.

I

Мне хотелось бы поблагодарить редактора «*Slavic Review*» за возможность вновь затронуть темы, которые я уже рассматривал в этом журнале 35 лет тому назад в одной дискуссионной статье под не совсем подходящим названием «*Проблема социальной стабильности в городской России в 1905–1917 гг.*»¹.

* Впервые опубликовано: *Slavic review*. V. 59. 2000. № 4. P. 848–875. Перевод Ю. Тимофиной

¹ *Haimson L. The Problem of Social Stability in Urban Russia, 1905–1917 // Slavic Review* 23:4 (December 1964). P. 619–642; 24:1 (March 1965). P. 1–22. Десятилетия работы в архивах позволили мне собрать дополнительные факты к исследуемой мною теме, а также пролили на многие из них новый свет. Но не менее важной была возможность, которую дали мне эти годы, попытаться приспособить подходящие концептуальные схемы для анализа проблем, поднятых благодаря исследованию архивных материалов. Мои мысли в этом отношении, очевидно, сформировались в процессе взаимодействия с российскими и западными коллегами, которые разделяли мои интересы и соображения относительно различных аспектов российского предреволюционного периода. В этой статье я буду изредка ссылаться на исследования, которые я нашел особенно ценными в этом отношении, но, тем не менее, я должен подчеркнуть свой долг перед двумя друзьями и коллегами, которые основательно повлияли на мои архивные поиски и мое понимание полученных результатов. В первую очередь это покойный В.С. Дякин, который, как я считаю, оказал наибольшее по значимости влияние на мои архивные изыскания, и особенно на роль и значение, которые должны быть отданы архивным источникам в творческом процессе создания настоящего исторического труда. В этом отношении Дякин представляется мне истинным представителем традиций Санкт-Петербургской исторической школы. С более практической точки зрения во время моего пребывания в РГИА Дякин практически ежедневно снабжал меня бесценными советами по поводу архивных источников, которые я должен был исследовать, особенно о роли государственной власти в ее взаимодействии с Думой и кругами общества, которые она представляла, в течение российского предреволюционного периода. Многочисленные работы Дякина по этой теме давали мне дальнейшее руководство в этом отношении. Другой мой столь же хороший

Проблема политической и социальной стабильности в России накануне Войны и Революции

Наверное, читатели журнала того времени помнят, какие острые споры разгорелись по поводу основной идеи этой статьи о двойственности процессов поляризации, которые я отметил в динамике политического и социального кризиса городской России уже до начала войны, поляризации между промышленными рабочими российских городских центров и более зажиточного слоя «городского общества», включая профессиональную интеллигенцию, а также поляризации между обоими этими высшими и низшими слоями российских городских центров и бюрократическими кругами, старавшимися олицетворять и выполнять волю государя.

За этими горячими спорами и идеологической окраской, которую они принимали, стояла конкретная проблема, а именно: свидетельствовали ли те двойственные процессы поляризации, выделенные мной в динамике кризиса в предвоенной городской России, еще и в пользу того, что даже если бы войны не было, российское государство все равно подверглось бы революционным потрясениям, сопоставимым с 1917 г.

Примечательно, что, несмотря на продемонстрированную многими участниками этих дебатов самоуверенность, никто из них, включая автора, не имел доступа к тем доказательствам, которые, вероятно, могли быть предоставлены российскими архивными источниками. Моя собственная статья основывалась почти исключительно на опубликованных источниках. (Допуск в советские исторические архивы я получил уже после их публикации.) В самом деле, предоставленные аргументы являлись планом исследования, которое я начал на следующий год, после того как получил доступ к советским архивам. Я занимался этим исследованием урывками, как только у меня появлялась такая возможность, в течение нескольких десятилетий, расширяя его временные рамки от политической кончины Столыпина (еще до его убийства в ноябре 1911 г.) до начала Февральской революции 1917 г. (Иссле-

друг и коллега, Хезер Хогэн, сыграла несравненную роль в руководстве моим архивным исследованием характера и организации Санкт-Петербургской металлообрабатывающей промышленности и ее влияния на особенности рабочих беспорядков среди Санкт-Петербургских металлистов с конца XIX в. до начала Первой мировой войны. И наконец, я должен выразить признательность моим сотрудникам по международному проекту по сравнительной истории труда, проводимому в течение десятилетия, параллельно годам исследований, в которых специалисты по истории рабочего класса и рабочих движений большинства индустриальных стран изучали рабочий опыт с середины XIX в. до времени после Первой мировой войны в сравнительной перспективе. Трудно переоценить пользу, извлеченную из работы над проектом, которая пролила свет на различия и схожие черты рабочего движения в России и большинства других промышленных стран, которые были исследованы. Помимо появления собственных статей и монографий участники этого проекта внесли свой вклад в суммарной форме двух больших сборников. Первый из них вышел под редакцией Леопольда Хеймсона и Чарльза Тилли под названием *Strikes, War and Revolutions in an International Perspective: Strike Waves in the Late Nineteenth and Early Twentieth Centuries* (Editions de la Maison des Sciences de l'Homme. Cambridge University Press, 1989). В соответствии с названием этот том посвящен дискуссиям в сравнительной перспективе, касающейся феномена забастовочных волн с середины XIX в. до начала Первой мировой войны. Второй сборник под редакцией Леопольда Хеймсона и Джулио Сапелли был назван: *Strikes, Social Conflict and the First World War: an International Perspective* (Annali, Feltrinelli Editore. Milano, 1992). Исследования, представленные в нем, были посвящены анализу рабочих волнений в промышленных странах, участвовавших в Первой мировой войне, за время войны и ее ближайших последствий.

дование архивов, которым я занимался во время подготовки серии документов по меньшевизму в 1917 г., позволило мне тщательно изучить характер социального и политического кризисов в ходе самой революции².)

Несколько слов в пояснение того акцента, который я решил поставить в этой работе. Она должна последовательно выявить различия между моей настоящей точкой зрения по поводу характера и динамики предреволюционного кризиса городской России и той, что я отстаивал в своей первой статье. Выбор мною такой стратегии с помощью более сбалансированной подачи материала отчасти можно объяснить теми выводами, которые я сделал из отзывов на русский вариант этой работы, которую я представил в Петербурге. Из этих откликов я заключил, что в противовес горячим спорам, которые вызвало мое суждение о двойственных процессах поляризации, наблюдаемых в России накануне войны и революции, мои настоящие взгляды на эту проблему, и особенно любая значительная модификация, которую я сейчас представляю, на основе последующего архивного исследования, подвергнутся новой, но все равно явной и существующей опасности. Вероятно, именно из-за их более широкого распространения в исследованиях о причинах русской революции эти взгляды стали в глазах многих читателей стереотипами, которые благодаря свойственной им гибкости допускают широкий спектр личных интерпретаций.

Редактор «*Slavic Review*» попросил меня упомянуть в свете находок и выводов моего исследования недавнее обсуждение американскими историками перспектив появления гражданского общества в России начала XX в. и о препятствиях, стоящих на его пути. В этом отношении я нашел достоверными заключения Альфреда Рибера в изданном несколько лет назад сборнике по этой теме³. Все мои оговорки касаются лишь временных границ, в которых, как мне кажется, должны содержаться предложенные им перспективы. Я почти согласен с Рибером (и не согласен с Раевым) в том, что период Великих реформ, казалось, открыл путь появлению гражданского общества (а точнее, общественности), разделяющего универсальные интересы и ценности вне рамок каст и классов и все явственнее ощущающего свою независимость от государства. Такие настроения укреплялись в той общественной среде, которая их разделяла благодаря тому, что была представлена в новых органах самоуправления людьми, охваченными такими же настроениями, а также чувством общественного интереса как источника законности, отличного от высших интересов государства.

Я также согласен, что во время Великих реформ в таком подходе виделась все более приемлемая альтернатива непреложному праву государства и его слуг быть единственными выразителями такого общего интереса в российской жизни, выходя за рамки частных эгоистических интересов различных социальных групп и партий национальной жизни, или, точнее, попирая их.

По множеству причин, часть из которых была высказана Рибером, в перспективе такое гражданское общество не должно было включать, по крайней мере временно, низшие слои, особенно крестьянство (частично, по мнению тех, кто эту идею поддерживал, для защиты крестьян как от остальных, так и от самих себя). По этой причине чувство причастности к «общественности», развивавшееся в этот период, оставалось чрезвычайно хрупким и слишком легко могло быть повернуто вспять государством.

² См. серии документов, названные «*Меньшевики в 1917 году*», 4 тома, Москва (Т. 1, 2. 1994–1995; Т. 3, 4. 1997).

³ *Rieber A.J. The Sedimentary Society // Between Tsar and People: Educated Society and the Questing of Public Identities in Late Imperial Russia* (Ed. by E.W. Clowes, S.D. Kassow and J.L. West). Princeton University Press, 1991.

Проблема политической и социальной стабильности в России накануне Войны и Революции

Это случилось в период «контрреформ», который последовал за убийством Александра II. Следует отметить, что проведенные в это время институциональные изменения включали в себя сужение прерогатив самоуправления и ограничение избирательного права, введенного в сословные рамки. Эти изменения остались в силе, несмотря на усилия Витте и Столыпина изменить их, до революции 1917 г.

Второе временное ограничение, на которое я хочу обратить внимание в течение этого обсуждения перспектив появления гражданского общества после Великих реформ, это российское «цензовое общество» и российская либеральная интеллигенция, так и не потерявшая после Первой русской революции уверенность в своей способности представлять низшие слои российского как городского, так и деревенского общества и действительно сдерживать революционные тенденции особенно среди низшего слоя городского и деревенского обществ России без поддержки государственной власти.

Учитывая эту историческую перспективу, позвольте мне суммировать изменения, которые произошли в моей точке зрения относительно характера политического и социального кризиса в России накануне Первой мировой войны и в течение самой войны, напомнив ключевую фразу моего предыдущего обсуждения этой проблемы в «*Slavic Review*». В ней утверждалось, что «годы войны не могли породить эти два глобальных процесса поляризации; они лишь существенно ускорили те процессы, которые уже развивались в российской государственной жизни в течение довоенного периода»⁴.

И сегодня я не откажусь от сути этого утверждения (которое положило начало большой полемике), но, тем не менее, не буду использовать его для наиболее точного описания того, как я воспринимаю характер политического и социального кризиса в России в июле 1914 г. Я не сделаю это в основном потому, что, как сейчас думаю, главная и наиболее впечатляющая черта, которую этот кризис приобрел накануне войны, заключалась в его довольно неустойчивом характере. Этот характер происходил из признания частью деятелей, вовлеченных в кризис, угрозы их будущему существованию от развития двойственных процессов поляризации, действовавших в городской России. В результате большинство индивидуальных и коллективных субъектов, вовлеченных в кризис городской России, отказались от каких-либо решительных мер, некоторые из них сделали это в последнюю минуту, опасаясь, что они могут вызвать тот самый социальный и политический катаклизм, которого они хотели избежать.

На фоне развивающегося паралича только промышленные рабочие с головой бросились во всеобщую забастовку 4 июля 1914 г. и, несмотря на призыв Петербургского комитета большевиков от 10 июля 1914 г. прекратить забастовку, продолжали выступления еще неделю под предводительством группы молодых мятежных рабочих, хотя тучи войны уже начали сгущаться над столицей.

Несмотря на значение, которое я придал в этой работе волнениям санкт-петербургских рабочих накануне Первой мировой войны, в моем исследовании остаются значительные лакуны. Наиболее значительная из них, по-моему, это невозможность выявить и проанализировать растущую роль рабочих Выборгской стороны, и особенно с механических и других предприятий металлообработки, принявших участие уже накануне Первой мировой войны в рабочих волнениях столицы и особенно в бесчисленных политических забастовках и демонстрациях, о которых сообщают заводские инспекторы и другие официальные источники⁵.

⁴ См.: The Problem of Social Stability. Part. II. *Slavic Review*. March. 1965. P. 18.

⁵ Для представления и анализа количественных данных по волнениям среди рабочих предприятий под контролем фабричной инспекции в течение довоенного периода см.: *Haimson L., Petrusha R. Two Strike Waves in Imperial Russia 1905–1907, 1912–1914 // Strikes, War and Revolutions in an International Perspective: Strike Waves in the Late Nineteenth and*

Эти же рабочие-металлисты Выборгской стороны предприняли агрессивные попытки в июле 1914 г. прорваться через мосты, соединяющие Выборгскую сторону и центр города, но были отброшены силами правопорядка. В 1917 г. рабочие многих из тех же предприятий или успешно прорвались через эти мосты или пересекли замерзшую Неву, и после того, как рабочие-металлисты заводов по другую сторону реки присоединились к ним, собрались на улицах, ведущих к Невскому проспекту. И там, несмотря на сопротивление сил правопорядка, правда с растущей поддержкой со стороны частей Петроградского гарнизона, они в течение недели доказали лидерам «цензового общества», как, впрочем, и себе, что революция наконец грянула.

Для возвращения к «прелюдии» июля 1914 г. мы должны также отметить, что наиболее драматичные сцены упорного и все более безнадежного сопротивления со стороны рабочих и их семей силам правопорядка, включая казаков, конную полицию и кавалерийский полк из Царского Села, призванные восстановить порядок в рабочих районах столицы, разыгрались на Выборгской стороне, в то время как толпы наиболее состоятельных членов «цензового общества» и профессиональной интеллигенции собрались по другую сторону реки, чтобы встретить президента Франции и продемонстрировать свои патриотические чувства во время визита Пуанкаре⁶.

Особый интерес представляет растущая и все более несоразмерная роль, которую играли рабочие-металлисты Выборгского района уже накануне войны и позже в волнениях в столице и, особенно, в их наиболее радикальных и взрывных манифестациях⁷. Он объясняется тем, что эти рабочие и члены их семей, проживая и работая в этом районе, явились наиболее ярким примером структурных и конъюнктурных изменений, которым в течение этих лет подверглись металлообрабатывающие предприятия, особенно те, что были расположены в крупных городах, а также влиянием этих изменений на поведение «рабочей силы» во время волнений.

Прежде всего, это изменения, прекрасно описанные Хезер Хогэн, в организации металлообработки и особенно машинных предприятий, которые произошли в течение десятилетия, предшествовавшего началу войны⁸. На рубеже веков организация производства, особенно на машинных предприятиях, все еще носила полуремесленный характер, который отразился в разделении рабочей силы на мастеровых, обладавших более высоким уровнем знаний, необходимых чтобы проектировать производимые на заводе металлические изделия или части или хотя бы разбираться в них, и на огромную массу неквалифицированных рабочих, обычно называемых «черными» или «серыми», выполняющих работу, для которой не требовалось особого мастерства.

Early Twentieth Centuries. Editions de la Maison des Sciences de l'Homme, Cambridge University Press, 1989. P. 101–166, а также введение Леопольда Хеймсона и Эрика Брайана во вторую часть того же тома (P. 35–46). Для сравнительного представления и анализа данных по рабочим волнениям во время войны см. статью Хеймсона и Брайана в: *Strikes, Social Conflict and the First World War: an International Perspective*. Annali, Feltrinelli Editore. Milano, 1992. P. 389–452.

⁶ См. мое настоящее отношение в: *The Problem of Social Stability*. Part I. Op. cit. P. 358.

⁷ Данные по рабочим волнениям на предприятиях под контролем фабричной инспекции в годы войны и до Февральской революции и их количественный анализ см.: Леопольд Хеймсон и Эрик Брайан в: *Strikes, Social Conflict and the First World War: an International Perspective*. Annali, Feltrinelli Editore. Milano, 1992. P. 389–451.

⁸ См. статью Хезер Хогэн по данной теме в: *Strikes, War and Revolutions in an International Perspective: Strike Waves in the Late Nineteenth and Early Twentieth Centuries*. Editions de la Maison des Sciences de l'Homme. Cambridge University Press, 1989. P. 365–379, и особенно ее великолепную монографию: *Metal Workers, Managers and the State in St. Petersburg, 1890–1914*. Indiana University Press, 1993.

Проблема политической и социальной стабильности в России накануне Войны и Революции

Накануне войны полукустарный способ производства, при котором на рубеже веков для выполнения некоторых работ требовался достаточно высокий уровень мастерства, был практически уничтожен с помощью большего разделения труда, включая частичную механизацию этих работ. На предприятиях, где такие изменения проводились наиболее систематично, полуквалифицированные рабочие сменили полумастеровых рабочих прошлого. (Эти перемены были наиболее последовательно достигнуты в «филиалах» иностранных, в частности немецких фирм, которые и продемонстрировали их на рубеже веков⁹.)

Одной из главных и наиболее спорных попыток достичь большей экономии труда было введение более эффективного контроля над временем, которое рабочие затрачивали на выполнение работ. Самая эффективная из них, ярко описанная прессой, — введение «американской системы» для подсчета зарплаты.

В России введением этой системы в первую очередь заинтересовались исследователи причин политических забастовок, зарегистрированных в 1901 г. на предприятиях Морского министерства. Дабы избежать повторения подобных рабочих беспорядков, авторы этих докладов предлагали более рациональную организацию труда, включая введение «американской системы» для подсчета зарплат. Впоследствии более глубокий интерес к этой системе проявили члены Совета механиков Санкт-Петербургского общества заводчиков и фабрикантов, о характере и эффективности которой они узнали из докладов немецких фирм, принятых в члены общества. В Германии такая система действовала с конца XIX в.

Характерной чертой этой «американской системы», вдохновленной влиянием тейлоризма в США, было введение расчета зарплат по количеству времени, которое затрачивали рабочие на выполнение работы. Вопреки негативным отзывам в рабочей прессе, оказалось, что «американская система» была введена только на нескольких санкт-петербургских металлических предприятиях к началу войны. Примечательно, что, несмотря на широкую известность, был зарегистрирован лишь один случай, когда на металлическом заводе фиксировалось время, затрачиваемое рабочими на выполнение работ. Это происходило на «Новом Айвазе», машинном предприятии, расположенном в северной части Выборгского района, что ускорило один из наиболее крупных конфликтов между заводоуправлением и трудящимися, которые когда-либо вообще возникали на металлических предприятиях столицы. Действительно, этот трудовой конфликт, который длился более 200 дней и был подкреплен рядом забастовок и локаутов, стал самым известным из мнимых «экономических» забастовок рабочих-металлистов Санкт-Петербурга лета и ранней осени 1913 г., которые все без исключения заканчивались поражением. Под каким угодно ярлыком они распределялись по категориям заводскими инспекторами (как, например, конфликт по поводу продолжительности рабочего дня, порядка на предприятии или даже забастовки из-за зарплаты), но главной причиной этих конфликтов была реакция вовлеченных в них рабочих на попытки администрации усилить всевозможными способами контроль над использованием рабочего времени, от начала до завершения рабочего дня.

Попытки достичь этой цели включали в себя различные меры: введение во многих случаях двух звуков сирены вместо одной, возвещающих о начале рабочего дня (первый — предупреждающий сигнал, второй — о начале работы), введение тайме-

⁹ См. статью Хеймсона в: *Strikes, War and Revolutions in an International Perspective: Strike Waves in the Late Nineteenth and Early Twentieth Centuries*. Editions de la Maison des Sciences de l'Homme, Cambridge University Press, 1989. P. 321–401.

ров и турникетов для установления точного времени, когда рабочие приходят на работу, и штрафов, размер которых зависел от степени опоздания, чтобы наказать провинившихся, установление неусыпного контроля над временем, отпущенным на перерывы в течение рабочего дня, включая посещение туалета. Судя по жалобам, которые они адресовали рабочей прессе, попытка контролировать время, проводимое ими в уборной (фактически они использовали его для курения и болтовни на разные темы, включая рабочие выступления), считалась ими невыносимой и оскорбительной. Однако рабочие также жаловались на другие проявления попыток контролировать время, некоторые из них даже писали стихи, в которых описывали тот кошмар, который вызывала сирена, призывавшая их ночью отправляться на работу.

Со своей стороны, представители фирм, входящих в Совет механиков Санкт-Петербургского общества заводчиков и фабрикантов, жаловались на лень и полное отсутствие дисциплины среди рабочих их предприятий, особенно по сравнению с немецкими рабочими, в тоне, который очень напоминает жалобы западных работодателей на своих рабочих в одной из колониальных стран.

Нельзя игнорировать основные культурные различия по отношению ко времени и другим вопросам дисциплины и самодисциплины, которые лежат в основе поведения русских и немецких рабочих, а также лидеров рабочих движений, желающих быть глашатаями недовольства. В самом деле, различия между руководителями российского рабочего движения, большевистского и меньшевистского толка, и немецких профсоюзов были особенно заметны, так как лидеры немецких союзов в принципе отказывались выступать против введения процессов рационализации труда, считавшихся ими чертами промышленного прогресса, который в итоге приведет рабочих к власти¹⁰.

Подавление долгих и упорных забастовок рабочих Санкт-Петербургских металлических заводов весной и осенью 1913 г. из-за «порядка на предприятиях» значительно повлияло на резкие изменения в характере волнений рабочих-металлистов, особенно Выборгского района. Это изменение выразилось в дальнейшем резком увеличении числа участников политических забастовок и резком сокращении времени и числа участников забастовок экономических, которые почти неизменно заканчивались поражениями рабочих, частично по причине лихорадочных темпов, в которых они проводились, и нереальных требований, а также из-за гораздо более упорного и скоординированного сопротивления частных предпринимателей (в особенности тех, что были членами Санкт-Петербургского общества заводчиков и фабрикантов) и руководства казенных заводов, особенно принадлежащих Военному и Морскому министерствам. Из-за этих обстоятельств все формы волнений среди рабочих Санкт-Петербурга приняли характер всеобщей борьбы их участников против всякой власти, желавшей контролировать их жизнь. Подобная динамика волнений среди рабочих столицы достигла своего пика во время всеобщей Санкт-Петербургской забастовки в июле 1914 г.

¹⁰ По этой теме см. исключительно интересную статью E. Domansky «*The Rationalisation of Class Struggle*» и статью Хеймсона и Хогэн, где прослеживается контраст в отношении к этим проблемам предводителей русских рабочих (большевистского и меньшевистского толка) в: *Strikes, War and Revolutions in an International Perspective: Strike Waves in the Late Nineteenth and Early Twentieth Centuries*. Editions de la Maison des Sciences de l'Homme. Cambridge University Press, 1989. P. 321–401.

* * *

Помимо изменений в организации производства, которые мы обсудили, характер волнений накануне войны, особенно среди рабочих Выборгского района, отразил также результаты воздействия второго, даже более важного структурного фактора — воздействие моделей урбанизации на рабочих. Наиболее серьезные изменения в этом отношении показывает разница между данными Санкт-Петербургской городской переписи за 1910 г. и соответствующими данными городской переписи за 1900 г.¹¹

Согласно данным переписи за 1900 г., большинство рабочих столицы были выходцами из крестьянского сословия, которые оставили своих жен и детей в родных деревнях, обычно с другими членами больших семейств, и жили в столице почти холостяцкой жизнью. Некоторые из них (меньше, чем обычно сообщается) возвращались в деревню, чтобы участвовать в уборке урожая в течение летнего сезона, но большинство воссоединилось со своими семьями уже после увольнения, обычно после достижения ими сорока лет.

Перепись 1910 г. зарегистрировала эти серьезные перемены в составе миграции в столицу. Наиболее важным было резкое увеличение, особенно на Выборгской стороне, количества крестьян, поселившихся в городе вместе с иждивенцами (т. е. со своими семьями).

Трудно переоценить значение этих демографических изменений и их влияния на рабочие волнения. Оно отразило появление, особенно в Выборгском районе столицы, постоянных городских рабочих районов, где выработалось чувство солидарности между семьями рабочего класса.

Чтобы наиболее полно понять психологический эффект появления накануне войны этих преимущественно рабочих районов, мы должны вспомнить два обстоятельства. Первое — то, что эти районы были расположены на другом берегу Невы, напротив наиболее процветающих и политически значимых центральных районов столицы. Второе — что даже преимущественно рабочие районы Выборгской стороны не отличались строгой сегрегацией населения: рабочие могли жить прямо через улицу от более состоятельных семей, в том числе их работодателей.

Задолго до войны эта ситуация привела к изменениям в завышенных ожиданиях среди рабочих Выборгского района, что наиболее четко выразилась в жалобах, предъявленных этими рабочими, на грубость по отношению к ним как со стороны более зажиточных соседей, так и руководства предприятий, на которых они работали, и в требованиях более вежливого к себе обращения. Подобные темы среди рабочих протестов появились уже на рубеже веков. Но накануне войны почти все они попали в число условий, выдвинутых городскими и провинциальными рабочими на забастовках. Почти все эти жалобы и требования более вежливого обращения включали настойчивое желание, чтобы не только мастера по отношению к подчиненным им рабочим, а дамы «цензового общества» — к своим служанкам, землевладельческая знать — к крестьянам и вообще все представители высших сословий обращались на «вы», а не «ты», к выходцам из сословий более низких (или, точнее, к тем, кого они таковыми определяли).

К 1914 г. эта проблема, так четко проявившаяся в более ранние годы, переросла в политический протест среди рабочих столицы и повлияла на его радикализацию, все более распространяясь на волнения в другой, менее урбанизированной обстановке. Напротив, сокращение числа «экономических забастовок», отмеченное в столице за последние шесть месяцев до начала войны, включая те, что явно касались проблем

¹¹ Для более полного сравнения этих переписей см.: *Haimson L., Brian E. Changements démographiques et grèves ouvrières, le cas de Saint-Petersbourg a la veille de la Première Guerre Mondiale // Annales (Economies, Sociétés, Civilisations), 1985. No. 4, Juillet-août.*

Нестор № 3

«хлеба и масла», показали всей сущностью своих абсолютно нереальных требований, выдвигаемых участниками, и все увеличивающимся числом рабочих, вовлеченных в стачки, что и эти экономические забастовки являлись всего лишь еще одной формой протеста против всех форм высшей власти. (Я использую этот термин, чтобы указать на осуществление форм власти, более напоминающих кастовые, чем классовые отношения, против которых эти рабочие так решительно восстали.)

* * *

Наш количественный анализ последовательно выявил значение моделей урбанизации и тесно с ними связанных факторов для объяснения интенсивности политических стачек в Санкт-Петербурге и других городских центрах в течение довоенного периода, а также значительную статистическую взаимосвязь между интенсивностью политических забастовок и объективными показателями высокой концентрации рабочей силы в городах, особенно с населением более 200 000. Он показал такую же зависимость между интенсивностью политических забастовок и высоким уровнем оплаты грамотных рабочих и слабую связь исследуемой рабочей силы с землей (все равно, берется ли в расчет доля рабочих, владеющих землей, или обрабатывающих ее по совместительству). Следует учитывать, что все эти факторы тесно взаимосвязаны с факторами урбанизации¹².

Однако наиболее точным критерием влияния урбанизации была доля рабочих, неважно — рожденных в столице или в провинции, которые выросли и сформировались в столичных условиях. Проведенные Морским министерством исследования причин рабочих волнений на предприятиях под его юрисдикцией ставили акцент на той роли, которую во всех этих беспорядках сыграли молодые рабочие различного социального происхождения, включая потомков приезжих в столицу из деревень, которые были подвержены в юные годы разлагающему эффекту городского окружения. В этих докладах также подчеркнуты серьезные противоречия, отмеченные между этими молодыми урбанизированными потомками рабочих-иммигрантов из деревни и их родителями, которые были наиболее надежными работниками на исследуемых предприятиях¹³.

Для проведения сравнительного анализа рабочей силы Санкт-петербургских металлургических предприятий начала Первой мировой войны я сумел собрать необходимые демографические данные только по одному отдельному случаю. Почерпнул я их из списка, приводимого в докладе Департамента полиции о рабочих, нанятых в 1915 г. оружейной мастерской «Нового Айваза», и относительно изолированных от группы металлургических заводов, сконцентрированных на Выборгской набереж-

¹² По поводу дальнейшего обсуждения результатов нашего количественного анализа см.: *Haimson L., Petrusha R. Two Strike Waves in Imperial Russia 1905–1907, 1912–1914 // Strikes, War and Revolutions in an International Perspective: Strike Waves in the Late Nineteenth and Early Twentieth Centuries. Editions de la Maison des Sciences de l'Homme. Cambridge University Press, 1989. P. 133–142.*

¹³ См. обсуждение анализа, проведенного генерал-майором Ратником, различных слоев рабочей силы, нанятой на балтийские верфи в начале века, и их позиции и поведения во время рабочих волнений, включая забастовку на Балтийском заводе в мае 1901 г. Для более полного рассмотрения см. статьи Хогэн и Хеймсона в: *Strikes, War and Revolutions in an International Perspective: Strike Waves in the Late Nineteenth and Early Twentieth Centuries. Editions de la Maison des Sciences de l'Homme, Cambridge University Press, 1989. P. 356–401.* См. также рассуждения Хогэн по поводу данной проблемы в ее монографии о Санкт-петербургских рабочих начала века (*Metal Workers, Managers and the State in St. Petersburg, 1890–1914. Indiana University Press, 1993.*)

Проблема политической и социальной стабильности в России накануне Войны и Революции

ной. Несмотря на относительную изоляцию эти рабочие участвовали во всех главных политических забастовках 1915 г., проводимых рабочими Выборгского района, включая бунт, вызванный кровавым подавлением демонстраций в Иваново-Вознесенске и Костроме, направленных против дороговизны жизни и нехватки продуктов питания, ареста рабочих Путиловского завода, да и всех проведенных в конце лета 1915 г. актах протеста по поводу роспуска правительством Государственной думы.

Проведенный нами анализ демографических данных о работниках оружейной мастерской «Нового Айваза» в 1915 г. выявил, что довольно большой процент из них, включая иммигрантов, рожденных не в Петербурге, провели годы своего становления в столице. И что наиболее важно, наивысший процент таких рабочих пришелся на группу с самым низким средним возрастом по сравнению с остальными работниками этой мастерской (до 50 % в группе с возрастом, колеблющимся между 15 и 19 годами); процент резко снижался при анализе более старших возрастных категорий¹⁴. Фактически эти выводы не особо удивляют, если принять во внимание, что до 1910 г. санкт-петербургские металлисты пережили десятилетие относительной стабильности (включая период относительного упадка 1907–1908 гг.) по сравнению с чрезвычайно бурным ростом 1890-х.

В свете всех этих показателей процессов урбанизации, которой в течение довоенного периода подверглись петербургские металлисты и особенно предприятий Выборгского района, я должен пересмотреть некоторые акценты, поставленные мною при обсуждении рабочих волнений в «*Slavic Review*», например, использование мною термина «бунтарство» (обычно применяется по отношению к «стихийному характеру», который приписывается беспокойствам крестьян), и даже значение, которое я придал негодованию, которым молодые иммигранты, набранные на работу в Петербурге из деревень, способствовали взрывному характеру рабочих волнений в столице в течение довоенного периода. Но даже с этими оговорками я продолжаю верить в важность норм столыпинского закона 1911 г., по которому право обладания крестьянскими наделами закреплялось исключительно за главами хозяйств крестьянских семей. Разрывая на деле законные связи отпрысков этих крестьянских хозяйств с этими земельными наделами, данные положения закона 1911 г. значительно повлияли на ускорение процессов урбанизации, которым подверглись молодые иммигранты из сельской местности после их переселения в Петербург.

* * *

В начале этой работы я упомянул, что влияние структурных факторов на характер рабочих волнений среди металлистов столицы и других крупных городских центров было усилено двумя особенностями довоенной конъюнктуры. Первой из них, экономического характера, было возрождение металлургической промышленности после периода экономической стагнации, а в конечном счете совершенного спада, который последовал за завершением русско-японской войны и вызванным ею сокращением производства военного снаряжения. Первые признаки экономического возрождения металлургии, частично благодаря возобновлению военных заказов, появились в 1910 г., и в 1911 г. они уже сопровождались возрождением забастовочных акций среди металлистов. Возобновление рабочих волнений, однако, было сведено к экономическим забастовкам вплоть до взрыва рабочего протеста по поводу расстрела на Ленских золотых приисках в апреле 1912 г.

¹⁴ Для более полного представления данных этого анализа см. статью Хеймсона и Брайдана в: *Strikes, Social Conflict and the First World War: an International Perspective* (Annali, Feltrinelli Editore, Milano, 1992. P. 428–434.

В связи с этим нам следует заметить, что результаты экономического восстановления особенно ощущались среди металлистов из-за преимущественного положения, которое даже полуквалифицированные рабочие с металлургических заводов занимали на рынке труда благодаря более высокой квалификации, требуемой для выполнения ими работ.

Действительно, прямой рост металлической промышленности в течение довоенного периода оказался важным фактором в распространении как политических, так и экономических забастовок среди металлистов, снижая эффективность принятых хозяевами предприятий и представителями политической власти мер, чтобы подавить рабочие волнения и особенно политические забастовки среди рабочих столицы. Этот удобный рынок труда предоставлял даже самым воинственным рабочим уверенность, что если они потеряют свою работу или возможность получить ее на другом металлургическом предприятии столицы, попав в «черный список» или подвергнувшись административной высылке из Санкт-Петербурга, то легко смогут найти подходящую работу на металлических предприятиях в других частях страны и даже смогут продолжать на новом месте жительства политическую агитацию, которая послужила причиной их изгнания из столицы.

Другой, менее ясной, но не менее важной чертой конъюнктуры довоенного периода, которая поспособствовала растущей интенсивности рабочих волнений в Санкт-Петербурге и в меньшей степени в других городских центрах, было возрождение политических протестов среди высшего слоя городского общества. Действительно, характер, который приняли рабочие волнения после случая на приисках, несомненно повлиял на возрождение политических протестов и формирование противоположных настроений среди профессиональной интеллигенции, особенно в столице. И напротив, данное возрождение политических протестов среди кругов образованного общества в свою очередь стимулировало усиление рабочих волнений, и особенно политических забастовок. Частично этот взаимный процесс стимулировался тем фактом, что проводимые правительством репрессии органов «свободного рабочего движения», включая свободную рабочую прессу, обычно проходили с нарушением законности, что вызывало все более громкие протесты либеральных газет и представителей либеральных фракций в Государственной думе.

Но не менее важным было и ощущение движения, а значит и ощущение возможности, которое эти проявления оппозиционных настроений в среде образованного общества вызывали среди промышленных рабочих столицы и некоторых других крупных городских центров. И напротив, отсутствие или подавление таких оппозиционных настроений среди членов «цензового общества» вдали от крупных городских центров привело к успокоению политических протестов в среде промышленных рабочих.

Мое видение тех разнообразных путей, которые под влиянием рассмотренных структурных и конъюнктурных особенностей способствовали формированию рабочих волнений в предвоенные годы, еще более укрепили проведенные мною исследования характера, который эти волнения приняли в провинциальных промышленных центрах, особенно в семи промышленных губерниях, представленных в Государственной думе депутатами, избранными по рабочим *курсиям* благодаря огромному числу в них рабочих. Ограниченные рамки данной работы позволяют мне рассмотреть только три случая рабочих волнений за пределами столицы. Я выбрал их для специального анализа не только из-за участившихся накануне войны волнений среди промышленных рабочих этих губерний, но и потому, что выявленные в них модели взаимоотношений между бастующими рабочими, их работодателями и представителями государственной власти, на местах и в столице, проливают свет на характер политического и социального кризиса в промышленной России к началу войны.

Проблема политической и социальной стабильности в России накануне Войны и Революции

Первым из этих случаев были стачечные действия промышленных рабочих в Лифляндии (Латвия), и в частности в ее столице Риге. Размах этих действий непосредственно накануне войны (и по количеству общего числа участников в забастовках на предприятиях, и по числу их участников по отношению к количеству рабочих, занятых на предприятиях, подведомственных фабричной инспекции) уступал только масштабу забастовок, организованных рабочими Петербурга. Такой размах забастовок, проводимых лифляндскими рабочими, еще больше подчеркивает тот факт, что количество участвующих в них на предприятиях Лифляндии, подведомственных фабричной инспекции (183655), в 1914 г. намного превышало общее количество занятых на них рабочих (80411). И в самом деле, интенсивность рабочих забастовок в Латвии по общему числу участников, в том числе в повторных забастовках, была намного выше аналогичных выступлений в Московской губернии (149924), несмотря на то что количество лифляндских рабочих, занятых на предприятиях, подведомственных фабричной инспекции (80411), составляло менее одной пятой от количества таких рабочих в Московской губернии (381150).

По данным фабричной инспекции, самый высокий показатель рабочих волнений был зарегистрирован в Лифляндии среди рабочих-металлистов (395%, отсюда следует, что в среднем лифляндский металлист бастовал почти четыре раза в течение шести месяцев перед началом войны). Следует заметить, что к такому показателю в среде лифляндских забастовщиков-металлистов приближался показатель забастовок рабочих на хлопчатобумажных предприятиях, а это говорит о влиянии металлистов на рабочих других отраслей. Подобная картина наблюдалась только в Петербурге. Самое большое число участников политических забастовок в Лифляндии было зарегистрировано в ее столице Риге. Предположительно их участниками были рабочие-металлисты столицы, хотя имеющиеся данные не классифицированы.

В отчетах жандармского управления губернатору Лифляндии действительно сообщается о значительном количестве участников политических забастовок в предвоенные месяцы, особенно в Риге. Сюда же относится огромное число участников в забастовках «сочувствия». Их организовали рабочие по всей империи с целью поддержать всеобщую стачку в Петербурге в июле 1914 г. Статистические данные поражают, а потому их следует здесь привести. По данным жандармского управления, 41000 рабочих 96 предприятий участвовали в 1914 г. в забастовках протеста в память о Ленском расстреле, и еще 44000 рабочих 104 предприятий бастовали 1 Мая. В деталях сообщается также о числе участников в сочувствующих забастовках, проведенных рижскими промышленными рабочими в поддержку всеобщей стачки в Петербурге в июле 1914 г.: 7 июля — 14000 рабочих; 8 июля — 19000 рабочих; и 9 июля — 38000 рабочих. В отчете также говорится, что 9 июля участники этих забастовок протеста провели революционные демонстрации — неся красные флаги и распевая революционные песни — пока не были разбиты отрядами полиции и жандармами¹⁵.

Забастовочные действия, имевшие место в Лифляндии в 1914 г., во многом напоминают развитие рабочих волнений в столице, а может быть, отражают и более острый элемент культурного конфликта между бастующими рабочими, преимущественно латышами, и местными работодателями и властями, которые по большей части были русскими и балтийскими немцами.

* * *

Вторым случаем рабочих волнений за пределами столицы, который рассматривается в этой статье, были забастовки рабочих-нефтяников в Баку. Они иницииро-

¹⁵ См.: ГАРФ. Ф. 102. Оп. 123 (IV делопроизводство, 1914 г.). Д. 37. Ч. 2.

вали и упрямо продолжали всеобщую стачку с середины мая практически до середины июля 1914 г., несмотря на все более мощные жестокие и кровавые усилия подавить их сопротивление. Порядок на бакинских нефтяных разработках был в конце концов восстановлен ценой настоящей кровавой бани, которую устроили рабочим и их семьям казаки и конная полиция под командованием генерал-адъютанта Джунковского. (Как уже упоминалось выше, сведения об этой резне вызвали протест рабочих Путиловского завода. Подавление их стачки, во всеуслышание осужденное петербургским большевистским депутатом Бадаевым, послужило в свою очередь толчком ко всеобщей стачке в июле 1914 г. в Петербурге.)

Основными причинами забастовки бакинских нефтяников были условия жизни и труда их самих и их семей. Собственно, никто и не спорил, что их положение было действительно ужасным; это подтверждали даже различные официальные источники. Более того, в этих источниках также утверждается, что руководство бакинских нефтепромыслов неоднократно обещало принять меры к коренному улучшению положения рабочих. Такие обязательства были приняты после забастовок в 1913 г., и еще раньше, в 1907 г., в то время когда премьером был Столыпин. И каждый раз руководство нефтепромыслов и пальцем не шевелило, стоило только забастовщикам вернуться к работе.

Все это помогает объяснить упрямство забастовщиков и кровавый характер, который приняла их конфронтация с руководством и местными властями в 1914 г.¹⁶ С самого начала забастовками 1914 г. руководил забастовочный комитет, члены которого, по сведениям полиции, были давними сторонниками социал-демократии (а согласно одному источнику, они были связаны даже с армянской социалистической партией Дашнак). Несмотря на то что членов комитета очень скоро арестовали, это не ослабило решимости забастовщиков. Напротив, их злость и решимость еще усилились после того, как руководство лишило их жилья, принадлежавшего предприятию, оставив их с женами и детьми на улице. Эта конфронтация достигла кульминационной точки, когда руководители нефтяных компаний заявили, может и правомерно, что забастовщики старались не дать другим рабочим вернуться на работу. И тогда на восстановление порядка на нефтяных разработках были брошены казаки и конная полиция, что повлекло за собой все более и более кровавые столкновения с забастовщиками.

Думский депутат, представляющий рабочих этого региона, меньшевик Скобелев приехал на место, чтобы попытаться предотвратить такие перегибы, но оказалась абсолютно бессильным, как и местные власти, часть из которых сочувствовала недовольству рабочих. Среди них был и городской голова Баку, и генерал-губернатор Кавказа Воронцов-Дашков. Несмотря на их попытки, официальная реакция на забастовку была продиктована Советом министров, который собрался в Петербурге обсудить экономические и политические проблемы, вызванные продолжающимися забастовками на бакинских нефтепромыслах.

¹⁶ Наиболее интересный и честный рапорт из изученных мною по поводу стачки на бакинских нефтепромыслах я обнаружил в местных исторических коллекциях в Баку, включенных в архив Института истории Академии наук. См.: Научный архив Института истории Азербайджана. Ф. 1. Оп. 8. Д. 4127. 1914 г. См. также: ГАРФ. Ф. 102. Оп. 123 (IV делопроизводство, 1914 г.). Д. 5. Ч. 11 (жандармские рапорты о забастовке на бакинских нефтепромыслах); там же. Оп. 244 (ОО, 1914 г.). Д. 5. Ч. 6 (рапорты о деятельности социал-демократов в Баку, включая сопутствующие сведения о членах настоящего стачечного комитета, организованного на нефтепромыслах); и дела 54–55 из «Воспоминаний» генерал-адъютанта Джунковского о его действиях в ходе поездки в Баку (ГАРФ. Ф. 82б). Сейчас эти мемуары частично опубликованы (см.: *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. М., 1997. Т. 2. С. 336–351).

Проблема политической и социальной стабильности в России накануне Войны и Революции

Характерно, что заседание Совета министров (необходимо напомнить, что теперь премьер-министром был Горемыкин, а Н.А. Маклаков все еще оставался на посту министра внутренних дел) интересовалось только одним вопросом: немедленным восстановлением нефтедобычи. С этой целью правительство направило жандармского генерал-адъютанта Джунковского на бакинские нефтепромыслы, наделив его неограниченными полномочиями для восстановления порядка. (Пикантная подробность: царь приказал министру двора, графу Фредериксу, доставить Джунковскому записи Столыпина о тех мерах, которые он предпринял для усмирения забастовки на бакинских нефтепромыслах в 1907 г.¹⁷)

Джунковский не оставил подробных записей о тех мерах, которыми он добился поставленной перед ним цели, но кровавый след его действий остался в других официальных источниках. Успешность этих действий была представлена им в отчете 14 июля, написанном всего лишь через несколько дней после его возвращения, в котором он сообщал, что порядок на бакинских нефтяных месторождениях был полностью восстановлен.

* * *

Третьим и последним случаем рабочих волнений за пределами столицы, который будет рассмотрен в этой статье, была волна экономических забастовок среди рабочих текстильной промышленности в промышленных «поселках» Костромской губернии (в некоторых проживало от 10 000 до 12 000 человек), которые случились в мае 1914 г. и продолжались до конца июля, т.е. в некоторых случаях даже после начала войны. Выбор именно этих забастовок для исследования объясняется отчасти их разительным отличием от забастовок в Баку, отчасти же тем политическим влиянием, которое они оказали на развязывание социально-политического кризиса накануне войны.

В докладах Департамента полиции о забастовочных действиях, организованных мужчинами и женщинами этих промышленных поселков, вырисовывается примечательная или даже поразительная картина: в ходе всех забастовок эти рабочие проявили незаурядную зрелость и самодисциплину. Одним из таких удивительных проявлений были списки подробно перечисленных личных жалоб и требований каждого рабочего, содержащие более 100, а то и 200 пунктов. Рабочие текстильных предприятий отпечатали эти списки на тонкой бумаге mimeографическим способом и распространили их среди своих коллег и руководителей. Выдвигаемые жалобы и требования отражали разнообразнейшие проблемы, в том числе жалобы на грубость старшего персонала и требования вежливого обращения¹⁸.

Настолько же примечательной (и не имеющей других примеров) была роль рабочего депутата Костромской губернии Н.А. Шагова в руководстве забастовочным движением. Согласно донесениям жандармов, которые неотступно следили за каждым его действием (за исключением тех случаев, когда они не могли достать свежих лошадей, чтобы преследовать его), Шагов верхом объезжал поселки бастующих рабочих. Он выступал перед специально собиравшимися рабочими с длинными речами, в которых сообщал им о забастовках на их собственных и других предприятиях и об успехах рабочего движения в других уголках России и в Западной Европе. Он не стеснялся преувеличить успех экономических забастовок питерских рабочих, призывать своих слушателей следовать их примеру; преувеличивал он и достижения рабочего движения на Западе. В конце своих выступлений он терпеливо выслушивал

¹⁷ См. обсуждение забастовки в Совете министров // РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 179.

¹⁸ См.: ГАРФ. Ф. 102. Оп. 244 (ОО, 1914 г.). Д. 5. Ч. 35; Оп. 123 (IV делопроизводство, 1914 г.). Д. 30.

вопросы и жалобы рабочих на незаконные действия, чинимые начальством и представителями политической власти против их забастовок, и обещал передать эти жалобы, присовокупив к ним свои собственные протесты, министрам юстиции и внутренних дел. Судя по копиям его писем, сохранившимся в делах этих министерств вместе с ответами последних, он, как правило, выполнял свои обещания¹⁹.

Копии донесений жандармов, следивших за Шаговым, доставлялись губернатору Костромской губернии, который в свою очередь направлял копии с этих документов, сопровождая их своими возмущенными комментариями по поводу действий Шагова, министру внутренних дел Н.А. Маклакову. Одну из своих последних предвоенных записок Маклакову о деятельности Шагова губернатор закончил риторическим вопросом: «**Кто распоряжается в Костромской губернии — депутат Шагов или я?**»²⁰

Такие жалобы на агитационные действия рабочих депутатов, защищаемых внутри и вне Думы своими парламентскими иммунитетами, привели к тому, что Маклаков с новым напором вернулся к идее государственного переворота. Возможно, самым ярким толчком к этому послужил известный скандал, вызванный речью лидера меньшевистской фракции Чхеидзе, с которой он выступил в Думе в июне 1914 г. В своих замечаниях, высказанных в связи с обсуждением закона о строительстве жилья для рабочих, Чхеидзе обвинил «режим принудительных работ», предусматривавшийся для выполнения этого проекта, закончив общими замечаниями по поводу того, что третьеиюньский режим был непригоден для успешной реализации этой задачи и что «самым подходящим для этого режимом, так же как и для обновления страны в целом» был «демократический строй», «парламентский строй» и еще ближе «республиканский строй». За это последнее высказывание Государственный совет начал уголовное преследование против Чхеидзе. Сочтя такое преследование нарушением гарантий свободы слова и юридического иммунитета думских депутатов, в ответ на это большая часть депутатов, в том числе значительное число умеренно правых, выразили готовность участвовать в систематической обструкции госбюджета.

Перед лицом такого воинствующего отпора Совет министров поспешил дать задний ход, ограничив санкцию по отношению к Чхеидзе исключением его на пятнадцать заседаний Думы²¹. Я подозреваю, что такой воинствующий отпор со стороны Государственной думы, наложившись на многочисленные примеры, которые попали в поле зрения Маклакова и в которых рабочие депутаты, прикрываясь законным иммунитетом, играли ключевую роль в провоцировании и организации рабочих волнений, заставил министра снова призвать к государственному перевороту.

Маклаков уже однажды выступил с таким призывом, весной 1913 г., в двух частных беседах с Николаем II, о которых он сам просил царя, в то время как председатель Совета министров Коковцов был в Париже на финансовых переговорах с французским правительством. Николая II потрясли сообщения Маклакова, в которых он доказывал существование угрозы стабильности государственного порядка, исходящей от размаха, который приняли рабочие волнения, а также агитация, которую проводили в стенах Думы и за ее пределами депутаты думской оппозиции. Государь согласился с убеждением Маклакова, что необходимо было принять решительные меры для устранения этих угроз, вплоть до объявления чрезвычайного положения в столице, и в связи с этим роспуска Государственной думы и созданием вместо нее

¹⁹ См.: ГАРФ. Ф. 102. Оп. 244 (ОО, 1914 г.). Д. 5. Ч. 35; Оп. 123 (IV делопроизводство, 1914 г.). Д. 30.

²⁰ См.: ГАРФ. Ф. 102. Оп. 244 (ОО, 1914 г.). Д. 307, а также Д. 5. Ч. 35 и Оп. 123 (IV делопроизводство, 1914 г.). Д. 30.

²¹ О дискуссии в Совете министров по делу Чхеидзе см.: РГИА. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 7.

Проблема политической и социальной стабильности в России накануне Войны и Революции

«совещательной» Думы, т. е. такой Думы, чья деятельность сводилась бы к чисто совещательной, а не законодательной роли. Как известно, интрига Маклакова была в корне пресечена Коковцовым, сразу же как он узнал о ней по прибытии в Петербург.

В июне 1914 г., после фиаско в деле Чхеидзе и похожего предложения о преследовании Керенского, лидера группы трудовиков в Государственной думе, Маклаков очевидно вернулся к своей идее о государственном перевороте, который подразумевал роспуск действующей Думы и создание вместо нее Думы с чисто совещательными функциями. На этот раз, в более благоприятном политическом климате, который создался после замены Коковцова на посту председателя Совета министров старым политическим повесой Горемыкиным, к предложениям Маклакова отнеслись явно с большим вниманием в Совете министров²².

Но дамоклов меч так и повис, возможно, из-за боязни развязать те самые революционные беспорядки, которые он должен был предотвратить. Даже после начала в июле всеобщей стачки в Петербурге правительство ограничилось объявлением «положения об усиленной охране», которое так и не перешло в чрезвычайное²³. Они даже и не попытались выполнить призыв Маклакова к замене действующей Думы на совещательный орган, ограничившись менее провокационным решением отложить её созыв до лета 1915 г.²⁴

* * *

Еще одной группой политических деятелей, которые способствовали приостановлению российского политического кризиса накануне Первой мировой войны, были умеренные и либеральные политические группировки, представленные в Думе. В свете исследованных мной архивных источников — дискуссий внутри этих групп, я ограничусь, в целях данного исследования, двумя основными критическими наблюдениями по поводу моей первой статьи в «*Slavic Review*». Оба этих замечания касаются моей трактовки эволюции кадетской партии в этот период.

Первое состоит в том, что я недооценил всю серьезность характера перемен, произошедших в результате новой тактики «декларативной оппозиции», провозглашенной Милюковым и его последователями в ходе выборов в четвертую Думу. Напомню, что в своем анализе выборов в четвертую Думу Милюков серьезно заявил, что их результаты продемонстрировали несостоятельность тактики «органической оппозиции», которой он со своими последователями преданно придерживались после столыпинского переворота в июне 1907 г. Новый закон о выборах, принятый после этого переворота, благоприятствовал наиболее состоятельным членам «цензового общества», и особенно крупным землевладельцам, обладавшим полным цензом в своих курях. В свете этого закона кадеты решили принять тактику «органической оппозиции». Согласно ей, они выставляли себя защитниками законности и отстаивали только частичные реформы, такие как создание «мелких земских единиц» (т. е. волостных Дум), в чью пользу склонялись более умеренные члены землевладельческих курий, в попытке перетянуть их на свою сторону.

²² Слухи об этом эффекте широко циркулировали среди депутатов Государственной думы. См.: ГАРФ. Ф. 102. Оп. 244 (ОО, 1914 г.). Д. 307а.

²³ Обоснование, представленное Советом министров для объявления столицы на чрезвычайном положении, см.: РГИА. Ф. 1276. Д. 125. Л. 37–38. Копию указа, подписанного царем, чтобы объявить об этой мере, см.: Там же. Л. 39.

²⁴ Представляется, что это было для того времени умным решением, избегающим конфронтации, но это обернулось худшим результатом, когда, как мы увидим, Дума была вновь созвана на сессию в конце лета 1915 г.

Однако такая тактика «органической оппозиции» оказалась безуспешной во время выборов в четвертую Думу, так как даже наиболее умеренные из крупных землевладельцев, так же как и другие привилегированные члены «цензового общества», массово проголосовали против кандидатов, которых поддержала кадетская партия, даже когда они замаскировались под «беспартийных прогрессистов». Тем самым крупные землевладельцы продемонстрировали на этих выборах, что они не простили прошлые грехи кадетов и до сих пор считали их «классовыми врагами».

В свете этих неблагоприятных результатов выборов, теперь Милюков стал настаивать на отказе от старой тактики кадетов, от «органической оппозиции», и на принятии вместо нее тактики «декларативной оппозиции». Новая тактика подразумевала возврат на радикальную политическую платформу, на которой кадетская партия изначально стояла в 1905–1906 гг.: принятие нового демократического закона о выборах, основывающегося на четырех принципах избирательного права (всеобщего, прямого, равного и тайного); ответственность правительства перед думским большинством и т. д. Милюков предполагал, что мобилизация общественного мнения, предположительно в основном в городской России, в поддержку этих радикальных политических реформ, и то давление, которое оно окажет на политический процесс, приведет к появлению оппозиционного большинства в Думе. Эта оппозиция, в свою очередь, возьмет на себя обязательство блокировать любые требования правительства, касающиеся бюджета, до тех пор пока царский режим не уступит ее требованиям радикальных политических реформ²⁵.

Правые кадеты сочли тактику Милюкова опасной авантюрой и с той поры стали бойкотировать заседания кадетского ЦК. Но предложения Милюкова были приняты большинством других членов кадетского ЦК, а позже и делегатами, собравшимися осенью 1912 г. на двухгодичную конференцию местных организаций кадетской партии²⁶. Депутаты от прогрессистов одобрили похожую платформу на своем учредительном собрании после созыва Думы. Но еще более примечательным и, возможно, решающим было принятие похожей программы и тактики конференцией активистов Союза 17 октября, созванной летом 1913 г. по инициативе Гучкова и его последователей. Конференция одобрила широкомасштабные политические реформы, включая демократизацию избирательной системы (немного менее радикальную, чем та, которую предлагали кадеты), и, самое главное, она также поддержала тактику «декларативной оппозиции», предложенную на обсуждение Милюковым для достижения этих целей, включая и систематическое блокирование бюджетных предложений правительства, пока оно не уступит новому оппозиционному большинству, которое появится к тому времени в Думе²⁷.

Таким образом, накануне осенней сессии Думы в 1913 г., выяснилось, что чудесным образом, прокламируя новую тактику «декларативной оппозиции», Милюков добился целей, отстаиваемых им за шесть месяцев до этого. Такое впечатление, одна-

²⁵ О представлении Милюковым его предложения, как приспособить эту новую тактику «декларативной оппозиции» и обсуждения, которое имело место в кадетском центральном комитете, а также на двухгодичной партийной конференции весной 1913 г. см.: ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 30 и Д. 16, оконченное в 1912 г.

²⁶ См.: ГАРФ. Ф. 523. Д. 16, 30.

²⁷ См.: ГАРФ. Ф. 115. Оп. 2. Д. 836, о тексте речи Гучкова, представляющей его платформу на этой конференции, а также тексты резолюций, принятых на конференции. Примечательно, что в фонде Департамента полиции (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 243 (ОО, 1913 г.). Д. 47) содержатся материалы о продолжительном представлении речи Гучковым и о дискуссии, состоявшейся на этой, как предполагалось, закрытой конференции.

ко, развеялось так же быстро, как появилось. Когда Дума собралась на свою осеннюю сессию в ноябре 1913 г., депутаты от Союза 17 Октября отвергли огромным большинством (более 100 голосов, если сюда же отнести будущую группу земцев — октябристов и правых октябристов) резолюции, принятые на конференции октябристов, организованной Гучковым. Только 16 левых октябристов, последних из могикиан среди левооктябристских депутатов, которых было большинство на первых сессиях третьей Думы, проголосовали за принятие резолюций московской конференции²⁸.

Такая резкая перемена во взглядах отразила, при всех существующих намерениях и целях, несостоятельность тактики «декларативной оппозиции» Милюкова (хотя, как мы уже заметили, оппозиционные большинства периодически появлялись в Думе, когда депутатам казалось, что их прерогативам и, в частности, их иммунитету угрожала государственная власть).

Тем не менее последняя глава бесплодных усилий, которыми была отмечена эволюция кадетской партии накануне войны, была небезынтересной. Весной 1914 г., на фоне усиливающихся слухов, распространявшихся по коридорам Думы, о возрождении планов государственного переворота Н.А. Маклакова²⁹, малочисленная группа левых кадетов из членов ЦК, состоящая практически из Некрасова и Колюбакина, потребовала чтобы партия перешла к более агрессивной и радикальной тактике. Эта тактика, которая должна была привести к заключению союза между кадетами и крайне левыми партиями, подразумевала мобилизацию и координацию кампании, в том числе проведение политических забастовок и демонстраций, нацеленную на столкновение государственной власти с угрозой революционного противостояния в попытке добиться радикальных политических изменений.

Радикальные предложения левых кадетов послужили поводом для горячих споров в конце весны 1914 г., сначала в ЦК кадетской партии, а потом на весенней конференции партии в июне. Эти споры выявили, с предельной и невиданной доселе ясностью, убеждения, стоящие за позициями, изложенными двумя лагерями кадетской партии³⁰. По ходу дела они также показали, действительно впервые, насколько болезненно сказался опыт первой русской революции на отношении Милюкова к возможности любой новой революционной конфронтации.

В этом историческом споре Милюков открыл свое обращение утверждением, что эра «Союза освобождения» и его альянсов с крайне левыми безвозвратно ушла и ее нельзя вернуть теперь, когда те социальные группы, которые кружки левой интеллигенции старались представлять накануне 1905 г., повзрослели и доросли в том числе до самостоятельной политической жизни, выражая собой глубокие и непримиримые противоречия, отделившие их от интеллигенции. В этих условиях тактика, предложенная сейчас левыми кадетами, могла привести к двум различным, но одинаково катастрофическим результатам. Первым и наиболее вероятным результатом было бы то, что только что выдвинутая тактика привела бы к государственному перевороту, о котором ходило столько слухов и который был предложен Н.А. Маклаковым. Другой и не менее катастрофической возможностью было бы то, что тактика,

²⁸ См.: ГАРФ. Ф. 119. Оп. 2. Д. 5; Ф. 102. Оп. 243 (ОО, 1913 г.). Д. 47, законченное в 1913 г.

²⁹ См.: ГАРФ. Ф. 102. Оп. 244 (ОО, 1914 г.). Д. 307а.

³⁰ Для почти дословного представления о дебатах, развернувшихся вокруг радикальных предложений левых кадетов внутри кадетского ЦК (записанных, как обычно, выдающимся историком А.А. Корниловым, который был одним из его членов), см.: ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 31. Материалы дискуссии на эти темы на двухгодичной конференции местных организаций кадетской партии, которая развернулась ещё весной 1914 г., содержатся в: Ф. 523. Оп. 1. Д. 17.

предложенная левыми кадетами, привела бы и в самом деле к революции, от которой в политическом выигрыше в первую очередь остались бы крайне левые, но которая позже вылилась бы в волну «стихийных» беспорядков среди российского народа. Эти беспорядки по размаху, жестокости и разрушительности можно было бы сравнить с «бунтами» под предводительством Стеньки Разина и Пугачева в XVII и XVIII вв. Можно было не добавлять, что реализация такого сценария привела бы к тотальному разрушению российской цивилизации, в том числе тех ценностей, которые кадетская партия старалась представлять. Ответы Маклакова и Колюбакина на доводы Милюкова были не менее пылкими и, можно с уверенностью сказать, не менее убедительными. Катастрофу, предсказанную Милюковым, и в самом деле возможно было предвидеть, и она действительно была неизбежной, как утверждали они, если — и только в этом случае — партия кадетов и другие представители либерализма в российском обществе останутся в стороне и не смогут участвовать в развертывании политического и социального кризиса. Действительно, единственный выход из такого сценария, который был описан Милюковым, виделся только с участием либералов, если они бросятся в драку, возьмут на себя руководство растущими народными волнениями и таким образом постараются решительно повлиять на их характер и результаты.

Бесполезно размышлять о прошлом с позиции настоящего, спорить о стороне, которая была более правильна в прогнозах, выдвигаемых в пророческих спорах, поскольку их соответствующие аргументы будут подтверждаться и опровергаться на разных стадиях развертывающегося российского социально-политического кризиса.

Позиция Милюкова была подтверждена осенью 1914 г. значительным большинством, сначала Центральным комитетом кадетской партии, а затем делегатами, собравшимися в июне на партийную двухгодичную конференцию³¹. Прогрессисты продолжали более конкретно преследовать радикальные цели, выдвинутые левыми кадетами, через усилия информационного комитета, который они создали в Москве в апреле 1914 г., в попытке собрать вместе широкое представительство либеральной и радикальной оппозиции в поддержку свержения самодержавия и в ближайшие сроки построить оппозиционное большинство в Думе. Однако, по изученным нами архивным данным, подтверждается, что и эти усилия также не смогли привести к достижению хоть сколько-нибудь значительных политических результатов накануне войны³².

Таким образом, завершение весенней сессии Думы в июне 1914 г. было ознаменовано разгромом как новых, так и старых тактик, выдвинутых конфликтующими фракциями русского либерализма, что возымело свой эффект на состояние нестабильного оживления, которое политический кризис принял к началу Первой мировой войны среди политических групп, претендовавших на представление интересов городских либеральных слоев России.

II

Динамика политического и социального кризиса в городской России с начала Первой мировой войны до 1917 года

В условиях, когда и государственная власть, и большинство либеральной оппозиции отстранились от каких-либо решительных действий накануне Первой мировой войны, кажется тем более важным проследить с некоторой точностью модели развития событий после начала войны, которые должны были привести к низвержению царского режима и к более глубокому политическому и социальному кризису, проявившемуся в ходе революции 1917 г.

³¹ См.: ГАРФ. Ф. 523. Д. 17.

³² См.: ГРАФ. Ф. 63. Оп. 50. Д. 49.

Проблема политической и социальной стабильности в России накануне Войны и Революции

В нашем анализе динамики кризиса мы продолжаем обращать внимание на индивидуальные и коллективных действующих лиц, которых мы выделили в нашем исследовании дуалистических процессов поляризации, развивавшихся в городской России накануне войны: промышленный рабочий класс; радикальная интеллигенция, пытавшаяся руководить им, особенно в столице; наиболее привилегированный слой городского общества и их представители в Думе; и сокращающееся число бюрократов, старавшихся представлять волю монарха. Война выдвинет на первый план политическую роль еще одного действующего лица в динамике политического и социального кризиса, а именно военные силы, офицеров и рядовых, на фронте и особенно в тылу. Наиболее заметными среди них были призванные в армию резервисты, которые теперь пополнили ряды петроградского гарнизона.

С другой стороны, война способствовала уменьшению разных политических беспорядков в городской России, даже среди промышленных рабочих внутри столицы. Несмотря на то, что на модели поляризации в Петрограде глубоко влияли процессы разъединения, которые все ярче проявлялись и в политической сфере в целом, именно в столице, центре политической власти, должны были дать о себе знать самые драматичные и важные явления политического и социального кризиса военного времени.

Позвольте начать наше обозрение динамики кризиса военного времени с анализа старых и новых элементов, которые появились под его влиянием в моделях рабочих беспорядков среди индустриальных рабочих. Кроме экономических забастовок, которые продолжались среди индустриальных рабочих с начала сентября 1914 г., особенно в Костромской губернии, начало войны практически сразу положило конец волне рабочих беспорядков, так как даже в столице было зарегистрировано всего несколько антивоенных забастовок³³. В первой половине 1915 г. рабочие волнения вновь стали усиливаться, они сводились в основном к экономическим забастовкам и практически никогда не проходили в столице. Начиная с августа 1915 г., однако, картина резко изменилась: новая опасная волна политических забастовок и демонстраций сосредоточилась еще более очевидно, чем перед войной, захватила рабочих-металлистов в Выборгском районе столицы³⁴. Резкость этого контраста между характером и распределением рабочих беспорядков до и после августа 1915 г. (рабочие столицы оставались бездействующими в первой половине года даже в экономических забастовках) дает нам возможность проследить с некоторой точностью катализаторы, которые способствовали во второй половине года появлению вспышек политических забастовок и демонстраций в столице, в которых были задействованы практически одни только рабочие-металлисты Выборгского района.

Первым из таких катализаторов был отклик этих рабочих на сообщения о репрессиях в отношении бастующих рабочих Иваново-Вознесенска и Костромы, которые

³³ Стоит заметить, однако, что рабочие из некоторых рабочих поселков Костромской губернии хотели было развернуть забастовку против начавшейся войны, но были отговорены от того, чтобы сделать это, их рабочим депутатом Н.А. Шаговым, убедившим их подождать, пока социал-демократические депутаты в Государственной думе не будут иметь возможность объявить им об этом. В сущности Шаговым в этот момент овладело настроение оборончества. Это не спасло его от ареста Департаментом полиции и ссылки в Сибирь в числе других депутатов — большевиков еще до конца 1914 г.

³⁴ Относительно представления и анализа количественных данных, относящихся к предприятиям, подведомственным фабричной инспекции, с начала войны по февраль 1917 г., см. статьи Хеймсона и Брайана в: *Strikes, Social Conflict and the First World War: an International Perspective*. Annali, Feltrinelli Editore, Milano, 1992. P. 381–451.

собирались в центрах двух городов, чтобы протестовать против высоких цен на «продукты первой необходимости», включая те, которые они привыкли получать по льготным расценкам в магазинах своих предприятий.

Сообщения о подавлении демонстраций в этих двух городах и жертвах сил правопорядка вызвали вспышки забастовок протеста на других предприятиях Владимирской и Костромской губерний, которые затем перекинулись и на воинствующих рабочих столицы.

Второй, почти одновременный катализатор вспышки политических забастовок в столице летом 1915 г. проистекал из катастрофического результата военного наступления, предпринятого в Галиции также летом 1915 г., которое, начав с успеха, достигнутого против австро-венгерских сил (состоявших в основном из сражавшихся без энтузиазма, а то и вообще прорусски настроенных чехов), превратилось в бегство после того, как на укрепление Юго-Западного фронта были переброшены немецкие войска. Дошедшие до общества известия о причинах, способствовавших поражению, и самая значительная из них — недостаток оружия и амуниции у русских солдат, еще более усилили общественное негодование, вынуждая царя созвать Думу, не собиравшуюся с начала войны. Этот созыв Думы надолго обеспечил оппозиционным группам трибуну для выражения скопившегося общественного недовольства. Действительно, эта сессия Думы стала поворотной точкой в динамике военно-политического кризиса.

Для динамики беспорядков среди рабочих столицы его значение заключалось в том, что он явился удобным поводом для социал-демократической фракции в Думе (уменьшившейся до меньшевиков после ареста и ссылки большевистских депутатов) единодушно проголосовать против военных кредитов и разъяснить на дебатах по этой проблеме свою оппозицию войне. Действительно, в речи Чхеидзе, лидера меньшевистской фракции в Думе, впервые широкой российской публике была представлена платформа, принятая на Циммервальдской конференции. Она осуждала империалистический характер войны и призывала к «незамедлительному заключению всеобщего мира без аннексий и контрибуций».

Этот единогласный призыв, отрицающий смысл войны (единственный призыв, раздавшийся среди рабочих и социалистических депутатов различных воюющих стран), имел значительный резонанс между столичными рабочими и особенно рабочими-металлистами Выборгского района. Почти магический лозунг «Долой войну» теперь появлялся вместе с лозунгами «Долой самодержавие», «Да здравствует демократическая революция» и «Да здравствует социализм», вместе с лозунгами политических забастовок. В свою очередь, этот феномен содействовал, судя по всему, отчетливому дополнительному росту конфронтации в отношениях между промышленными рабочими и более привилегированным сословием петроградского общества, включая и большую часть интеллигенции.

Другие отличительные особенности новой волны политических волнений, о которых мы уже упоминали выше, заключались в их беспрецедентной степени концентрации среди столичных рабочих-металлистов, а особенно рабочих Выборгского района. Именно это будет отличать волну забастовок во время войны вплоть до восстания в феврале 1917 г., в котором рабочие-металлисты Выборгского района играли центральную роль. В связи с этим стоит сослаться на ряд наиболее поразительных данных. В первой половине 1916 г. 77,1 % от общего количества участников политических забастовок на предприятиях с фабричной инспекцией *по всей стране* приходилось на рабочих-металлистов столицы, во второй половине года — немного менее 73,6 %. В первой половине 1916 г. (единственный год, для которого

Проблема политической и социальной стабильности в России накануне Войны и Революции

удалось подсчитать такие данные) 59,8 % *от общего числа* участников политических забастовок на предприятиях с фабричной инспекцией *по всей стране* приходилось на рабочих Выборгского района. Во второй половине 1916 г. эта огромная концентрация уменьшилась приблизительно до 35,9 %. Это, я повторяю, действительно необычные цифры, если учесть, что в отношении общего числа рабочих, занятых в то время на предприятиях с фабричной инспекцией, более 30 000 рабочих-металлистов Выборгского района составляли только 6,3 %!³⁵

Исключительная степень концентрации политических забастовок среди рабочих-металлистов Выборгского района столицы отражает частично и несколько особенностей конъюнктуры военного времени. Нужно отметить в этой связи, что единственные мужчины, занятые в промышленности, которые не подлежали мобилизации после начала войны, были работниками оборонных предприятий. Эти рабочие находились в выгодном положении в связи с благоприятной ситуацией на рынке рабочих рук. Такая ситуация объяснялась требованием более высокой производительности в военных отраслях и нехваткой квалифицированных или полуквалифицированных рабочих, способных выполнять задачи, поставленные этими предприятиями, — фактор, который несомненно способствовал их воинственности. (С другой стороны, мы должны также отметить, что участие в политических забастовках рабочих, занятых в отраслях, освобожденных от воинской повинности, могло повлечь за собой отмену освобождения от воинской обязанности, вплоть до заключения в тюрьму и административной ссылки для обвиняемых в провокации политических забастовок.)

* * *

Созыв Государственной думы летом 1915 г. также обеспечил возможность для формирования оппозиционного большинства в Думе, которую царь и его окружение так ясно осознавали. Эта цель была достигнута с созданием Прогрессивного блока, в котором депутаты-октябристы и половина националистов, расколовшихся по этому вопросу, присоединились к кадетам и прогрессистам.

Формирование этого оппозиционного большинства в Думе явилось наименее выразительным политическим феноменом из всех возможных, учитывая изначальные фундаментальные различия во взглядах ее основных групп по поводу целей и тактики, которых должен придерживаться Прогрессивный блок.

Основное разногласие, появившееся в связи с этим, сводилось к вопросу о том, сможет ли Прогрессивный блок настоять на формировании «ответственного» министерства, т. е. правительства, подотчетного оппозиционному большинству в Думе, или же он ограничится просьбами о создании «министерства общественного доверия», состоящего из лиц, не подотчетных Думе, но пользующихся доверием большинства общества. Все участники и свидетели этих дебатов с самого начала осознавали упомянутое разногласие, степень которого, как казалось, увеличивалась. Для Прогрессивного блока настаивать на формировании «ответственного» министерства — значило перейти к стадии политической конфронтации с самодержавием, так как такой радикальный политический шаг мог быть достигнут только после свержения или капитуляции этого режима. С другой стороны, необходимость в появлении правительства «общественного доверия» не должна была стать условием развязывания революционного кризиса, по крайней мере, в глазах ее сторонников, поскольку формирование такого правительства было возможно только при отсутствии такой драматической конфронтации.

³⁵ Для дальнейшего представления и анализа этих количественных данных см.: Там же. Р. 402—421; данные по Выборгскому району проанализированы на с. 415—420.

Таковы были условия, в которых определялся и обсуждался этот вопрос депутатами-кадетами и другими умеренными и либеральными фракциями, представленными в Прогрессивном блоке. Политическая направленность этих дебатов так же, как и использованные аргументы и их скрытая мотивация, отразили почти всецело те проблемы, которые возникли и были отчетливо сформулированы двумя уже существовавшими к началу войны оппозиционными лагерями. Единственный новый элемент был внесен в связи с проблемой войны. Во время заседания центрального комитета кадетской партии и проходившей осенью 1915 г. раз в два года конференции местных организаций кадетской партии Милюков и его сторонники энергично доказывали, что допустить риск революционной конфронтации в середине войны означало бы пойти на преступную авантюру и способствовать военному поражению России. Аргументы оппонентов Милюкова из центрального комитета (Некрасова и Мандельштама, которые заменили погибшего на фронте Колюбакина, одного из лидеров левых кадетов) также были предсказуемы. По их мнению, только радикальные политические изменения могли спасти Россию от поражения в войне³⁶. (Это были первые примеры позиции «революционного оборончества», выдвинутой осенью 1915 г. прогрессистами и новой группой революционного оборончества в партии меньшевиков.)

Разногласия между лидерами Прогрессивного блока и их оппонентами были еще более отчетливо подчеркнуты в докладе Совету министров по этому и другим аспектам политической ситуации. В этом отчете утверждалось, что ни Родзянко, ни Милюков на деле не учитывали идею использования Прогрессивного блока для мобилизации общественного мнения для достижения каких-либо политических целей, включая формирование министерства общественного доверия, и это было их наиболее сильным отличием от прогрессистов³⁷.

Имелись еще дополнительные обстоятельства, которые всплыли на поверхность летом 1915 г. и сделали еще более спорной роль, которую Прогрессивный блок или более консервативные фракции Думы могли по возможности взять на себя для формирования нового правительства. Это был министерский кризис, приведший к обострению дезинтеграции «объединенного правительства», созданного в результате его реформы, проведенной Витте и Столыпиным после революции 1905 г. Хотя начало процесса дезинтеграции «объединенного правительства» может быть прослежено по обстоятельствам, окружающим замещение Коковцова Горемыкиным зимой 1914 г., его кульминация наступила летом 1915 г. Толчком послужило решение Николая II занять пост Верховного главнокомандующего и в связи с этим переместить руководителей Генерального штаба армии в Гатчину. Почти нет сомнений в том, что военный кризис на фронте был вызван решением царя летом 1915 г. и что возражения, первоначально высказанные по поводу этого решения большинством членов Совета министров, были лишены какого-либо политического переосмысления. (Эти возражения заключались в том, что с принятием верховного командования армией монарх берет на себя ответственность за дальнейшие военные поражения.)

Более весомым, однако, оказалось мнение, высказанное противниками решения царя о том, что царь и вслед за ним Совет министров навлекут на себя политическую критику за принятие царем на себя командования армией вместо ее бывшего главнокомандующего, очень популярного великого князя Николая Николаевича.

³⁶ Для представления об этих противоречивых аргументах в протоколах ЦК кадетской партии см.: ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 32. Эта дискуссия также развернулась на двухгодичной конференции местных кадетских организаций, состоявшейся в конце 1915 г. См.: ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 18.

³⁷ См.: РГИА. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 1217.

Проблема политической и социальной стабильности в России накануне Войны и Революции

В результате, напряженность конфликта, вызванного решением царя, нарастала с обеих сторон. Подозрения царя о той политической роли, которую великий князь играл в оппозиции, все усиливались. Противники решения царя в Совете министров, а также в Государственной думе все яснее стали осознавать, в каких политических целях Николай II мог использовать свою новую роль главнокомандующего.

Председатель Совета министров Горемыкин настаивал на том, что это решение всецело находится в пределах ведения царя и отказывался в связи с этим играть роль посредника в его делах. Конфликт окончательно достиг своей критической точки с отставкой (точнее, с просьбой об отставке) большинства членов Совета министров, включая наиболее способных и известных из них: Кривошеина — главноуправляющего земледелием и землеустройством, который считался самым подходящим претендентом на место Горемыкина как премьера, министра иностранных дел Сазонова, министра обороны Поливанова. Выдержав соответствующую паузу, царь подписал указы, освободив этих министров от их должностей.

Вспышке этого кризиса и усилению его воздействия способствовала целая серия других конфликтов, возникших в течение предшествующих месяцев между большинством в Совете министров и Горемыкиным, который представлял в большинстве конфликтов желания и интересы царя и его ближайшего окружения. Это были конфликты, вызванные напором самых мятежных министров, требовавших удаления из правительства тех его членов, которые в их глазах представлялись особенно ненавистными, так же как и в глазах депутатов Думы и широкой общественности; другие конфликты были связаны с созывом Государственнойумы (включая дебаты о продолжительности сессии, на которую она должна быть созвана, и политическую позицию, которую должно занять правительство в ее решениях). Наиболее серьезными были конфликты, связанные с вопросом о том, какие действия должны быть приняты в ответ на отчеты, исходящие от великого князя и его окружения, о прискорбном состоянии армии, включая нехватку оружия и обмундирования, отчеты, которые вскоре будут достаточно убедительно подтверждены в ходе наступления русской армии на Юго-Западном фронте.

По этому и другим вопросам под руководством министра иностранных дел Сазонова и министра финансов П.Л. Барка к весне 1915 г. была организована группа «наиболее либеральных министров». Они сошлись во мнениях о необходимости созыва Думы на сессию и отчасти в усилиях, направленных на то, чтобы заручиться поддержкой Думы и общественности и добиться от царя отставки министров, считавшихся наиболее одиозными, — Щегловитова, Маклакова и Саблера³⁸.

Какой же степени согласия достигли члены самой либеральной группы министров в своих политических взглядах и как далеко зашел этот консенсус? Ответы на

³⁸ Наиболее полное и авторитетное представление об этом и других аспектах того, что станет известно как «министерский кризис» лета 1915 г., а также о других аспектах деятельности Совета министров во время войны (но не собственно бумаг самого Совета, хранящихся в РГИА в фонде 1278), может быть найдено в заметках А.Н. Яхонтова, которые он диктовал своей жене за годы войны, когда служил секретарем Совета. Неоценимая научная редакция этих заметок, которые ныне хранятся в Бахметевском архиве Колумбийского университета, опубликована Р.Ш. Ганелиным, сотрудником Санкт-Петербургского Института истории, под названием: Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова (записи заседаний и переписка). СПб., 1999. Ганелин также включил в это издание переписку Яхонтова, которую он вел в эмиграции с 1922 по 1936 г. с бывшими министрами и другими чиновниками царского правительства о характере и причинах падения царского режима.

эти вопросы отчасти остаются неопределенными. Но они, на мой взгляд, существенно различаются среди министров, о которых идет речь. Сазонов и отчасти Барк считали, что войну можно выиграть только при достижении гармоничного и устойчивого сотрудничества общественности и правительства, т. е., следовательно, с представителями общественности в Думе. Но большинство членов группы «крайне либеральных министров», включая и Кривошеина, который считался наиболее подходящей кандидатурой на пост главы кабинета общественного доверия, были противниками созыва Думы на максимально короткую сессию.

Эта «крайне либеральная группа министров» нашла поддержку в лице великого князя Николая Николаевича, особенно в вопросах формирования Особого совещания, включавшего представителей Думы и промышленников, для контроля за увеличением производства оружия и обмундирования промышленностью. Царь возмущенно отреагировал на сообщения Горемыкина о давлении этой группы министров, несмотря на то что он в конечном итоге уступил их требованиям отставки наиболее одиозных министров по составленному ими списку, включая Маклакова. Его гнев и подозрения обострились, когда эта же группа министров решительно выступила против его решения о принятии командования армией на себя.

Действительно, это сопротивление вскоре заставило Николая почувствовать себя без оснований, что великий князь был вовлечен в политическую оппозицию против него. Этот факт укрепил Николая в решении безотлагательно принять пост Верховного главнокомандующего. С другой стороны, дальнейшее осложнение, которое заставило большинство министров еще более решительно противиться занятию Николаем этой должности, состояло в том, что оно тесно переплеталось с решением о времени созыва Государственной думы. Этот вопрос, в свою очередь, приобрел особенно взрывной характер даже в глазах крайне либеральной группы министров после того, как лидеры Прогрессивного блока решили поставить на повестку дня Думы в срочном порядке запрос правительству о роли Распутина.

Это, по сути, было сложной политической подоплекой решения большинства членов правительства предоставить царю через Горемыкина свои требования об освобождении их от должности. Принятие царем командования армией, вопреки давлению министров, и согласие, после определенной паузы, удовлетворить требования министров об отставке, наметило возможность окончания этого беспрецедентного политического кризиса. Самое основное долгосрочное значение этого результата (уже подчеркнутое некоторыми исследователями) заключалось в том, что он знаменовал собой гибель «объединенного правительства», созданного Витте и Столыпиным, которые так энергично добивались его выполнения после 1905 г.³⁹ По представлениям Столыпина, цель этой системы заключалась не только в том, чтобы обеспечить более эффективное функционирование исполнительной власти путем установления руководящей политической роли председателя Совета министров. Она также была призвана обеспечить эффективный политический буфер между монархом и государством. В этой связи наиболее важным представляется то, что ослабление «объединенного правительства» сильно уменьшило возможность Совета министров влиять на решения царя и его окружение путем передачи ему возможной реакции общественности на политические действия и маневры правительства.

Политические последствия этой угрозы правительственного кризиса в июле 1915 г. не были сразу ясны даже руководству Думы и его сторонникам. Николай дал отстав-

³⁹ Как наиболее авторитетное исследование виттевской инициативы в этой трансформации Совета министров в систему «объединенного правительства» см.: *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999. Ч. IV. С. 231 и далее.

ку Горемыкину, новым председателем Совета министров стал Штюмер. Первой реакцией Родзянко и других депутатов Думы был вздох облегчения и попытки завязать более конструктивные отношения с новым премьером. Как подчеркивается в отчете Совету министров об отношениях с Государственной думой, большинство депутатов отчаянно пыталось достигнуть согласия с правительством, хотя тем самым они только стремились покончить с вынужденным бездействием, желая получить разрешение играть хотя бы скромную политическую роль. И вот в такой атмосфере Родзянко, чей оптимизм Миллюков тщетно пытался сдержать, вел свои первые разговоры с новым премьером. Вскоре эти полные надежд ожидания были разбиты, так как думские депутаты обнаружили, что главное, а то и единственное, для чего правительство иногда встречалось с их руководством, это для того, чтобы сообщить о своем решении отложить созыв Думы, или в тех редких случаях, когда Думе было позволено собираться, сообщало им об отсрочке заседаний. Такое поведение правительства неизбежно вызвало противодействие. Подтверждением этому служит то, что в тех случаях, когда Думе было позволено собираться, их выступления и запросы становились все более несдержанными. Таким образом, к осени 1916 г. стены царского дворца оглашались не только репликами Миллюкова: «**Это глупость или измена?**», но также гораздо более резкими и политически важными высказываниями, как речь хорошо известного руководителя ультраправых Пуришкевича, который теперь фактически присоединился к Прогрессивному блоку вместе с половиной представителей объединенного дворянства, до сих пор бывшего оплотом реакции.

Речь Пуришкевича как бывшего лидера ультраправых, а также в связи с важностью обвинений, высказанных в адрес Распутина, особенно указывала на усугубившийся характер политического кризиса. Выступление Миллюкова, принимая во внимание его фразу «**Это глупость или измена?**», было призвано подвести слушателей к заключению о том, что политика правительства, выгодная врагам России, была результатом проявления глупости в большей степени глупых, нежели изменнических намерений. Пуришкевич пошел гораздо дальше. Он открыто обвинил Гришку Распутина, темную силу в политике царского режима, в том, что тот является немецким агентом.

Доводы, которые Пуришкевич использовал для подтверждения своего обвинения, были призваны заечь аудиторию — как сидящих в центре, так и на самых левых скамьях зала депутатов: «я знаю, что вы думаете так же как и я, я это чувствую <...> что моими словами говорит вам здесь вся Россия, без различия партий, без различия направлений, желающая счастья царю, церкви своей и своему народу <...> Россия, не способная говорить холопским языком, но честно несущая к подножию трона слова горькой и неприкрашенной правды, во имя блага царя и народа». Пуришкевич завершил свое выступление длинным историческим экскурсом в период смуты начала XVII в., когда судьба России была поставлена на карту. В течение этого периода, времени Гришки Отрепьева (одного из Лжедмитриев смутных лет), основы Российского государства были потрясены до самого основания. А теперь Гришка Отрепьев возродился в лице Гришки Распутина, и этот новый Гришка куда более опасен, чем прежний. «Гг., надо просить государя, и вы (обращаясь к министрам) его верноподданные слуги, вы, призванные исполнять его волю, вы первые ответственные за течение русского государственного корабля, объединенные с нами, туда, в Ставку государя просить, да не будет Гришка Распутин руководителем русской внутренней, общественной жизни» (бурные и продолжительные рукоплескания центра, левой и справа; голоса: bravo!)⁴⁰.

⁴⁰ Показательна важность, с которой правительство отнеслось к речи Пуришкевича, включив копию ее текста в бумаги Совета министров. См.: РГИА. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 7. Л. 375–381.

Когда продвижение немецких войск в Польше значительно усилило угрозу военного поражения России, различные посредники, рассчитывавшие воспользоваться доверием царя, взывали к нему, включая представителей объединенного дворянства и великих князей. Как отмечает отчет Совету министров, великие князья гораздо более энергично обращались к Александру с призывами удалить Распутина. Так агрессивно, что царь счел необходимым стать на ее сторону, чтобы защитить ее от их атак.

Это быстро увеличивающееся падение в пропасть было отмечено в конце 1916 г. убийством Распутина, кровавые детали которого были вскоре опубликованы (некоторые из великих князей были проинформированы о заговоре и были вовлечены в последующие усилия по защите от наказания Юсупова и других участников убийства)⁴¹.

Завершение политического кризиса было также отмечено попытками в последнюю минуту организовать государственный переворот, распустить Государственную думу, созыв которой планировался на февраль 1917 г., заменив ее на законосовещательное собрание.

Эти и другие события, которые отражены в делах Совета министров⁴², окончательно приблизили кульминацию затянувшегося процесса коллективного самоубийства среди советников царя и его самого, которые, как и все проявления безумия, не нашли в последующих исследованиях каких-либо адекватных объяснений. Таким образом, можно предположить, что виной тому была пассивность, демонстрировавшаяся лидерами Прогрессивного блока, до тех пор пока их сценарий коллективного самоубийства не был сыгран.

* * *

Так же, как они поступили накануне Первой мировой войны, лидеры прогрессистов в Думе настаивали с самого начала на более воинственных целях, чем те, которые преследовали Милюков и Родзянко. Их усилиям придавалось гораздо большее политическое значение, чем в начале июля 1914 г., благодаря роли, которую их лидеры, особенно Коновалов, а также его новый близкий политический союзник Александр Гучков, играли в Центральном военно-промышленном комитете (ЦВПК), который был создан летом 1914 г. для того, чтобы способствовать интенсификации производства в оборонной промышленности, а также в отношениях между ЦВПК и его рабочими группами. Поскольку эта глава российской истории, предшествовавшая революции, была подробно изложена российскими и американскими историками, я ограничусь лишь несколькими необходимыми замечаниями⁴³.

⁴¹ Наиболее информативное и авторитетное свидетельство вовлечения великих князей из императорской фамилии в успешные попытки защитить Юсупова и его соучастников в убийстве Распутина от возмездия, так же как и другие аспекты настроений, которое эти члены императорской фамилии высказывали на протяжении лет, предшествовавших падению царского режима, можно обнаружить в письмах великого князя Николая Михайловича к французскому академику Фредерику Массону, опубликованные Bibliothèque Slave de Paris, где они хранились после смерти Массона, под названием: Grand-Duc Nicolas Mikhaïlovitch. La Fin du Tsarisme: Lettres inédites a Frederick Masson (1914–1918). Paris, 1968. Связи между великим князем и Массоном, членом Французской академии, произошли на почве их общего интереса к фигуре Наполеона Бонапарта.

⁴² Доступ к этим материалам был невозможен до последнего времени из-за намерения покойного В.И. Бовыкина опубликовать документы делопроизводства Совета министров.

⁴³ См.: Дякин В.С. Буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). Л., 1967; Stegelbaum L. The Politics of Industrial Mobilization in Russia (1914–1917): A Study of the War Industrial Committees. Macmillan, 1983.

Проблема политической и социальной стабильности в России накануне Войны и Революции

Во-первых, необходимо подчеркнуть, что во втором туре выборов рабочей группы ЦВПК, который было приказано провести правительством после удачного бойкота первого, организованного большевиками, Гвоздев и другие представители рабочих, избранные в этом туре при поддержке группы меньшевиков столицы, победили с платформой, включающей пункт поддержки требований меньшевиков-интернационалистов касательно беспрепятственного достижения всеобщего мира без аннексий и контрибуций, т. е. платформой, выражающей взгляды большинства участников Циммервальдской конференции, которая искренне отвергла стремление к продолжению войны до победы. Также важно отметить, что на первой встрече с руководством ЦВПК представители рабочей группы вручили им заявление (возможно, составленное для них инициативной группой меньшевиков столицы), призывая их как представителей русской буржуазии взять в свои руки власть и подчеркивая, что рабочий класс России поддержит их в достижении этой цели. Принятие такой позиции эффективно прервало на время стремление к продолжению войны до победы, поддерживаемое лидерами Центрального военно-промышленного комитета, так как было признано, что эта цель не может быть достигнута без радикальных перемен в политическом руководстве страны.

После прощания с Гвоздевым и другими членами рабочей группы Гучков заметил столь же восхищенному Коновалову: «**Какие молодцы наши рабочие**». Действительно, даже если имеется вполне достаточно оснований сомневаться, в какой степени обе стороны имели право говорить от имени социальной группы, на принадлежность к которой они претендовали, их обмен был, несмотря на это, значительным, поскольку он на первое время связал на позициях «революционного оборончества» представителей рабочего класса и более военизированных представителей буржуазии, чего обе стороны безуспешно пытались добиться по крайней мере до лета 1917 г.

Отношения между лидерами ЦВПК и его рабочей группой в конце лета 1915 г. также показали высокий уровень их политической агрессивности накануне революции. В предыдущие месяцы лидеры обеих групп были отвлечены от преследования революционных целей другими, более важными заботами: лидеры ЦВПК — растущей ответственностью, которую они взяли на себя за функционирование промышленных предприятий, связанных с военными нуждами; лидеры рабочей группы — своими в корне тщетными попытками организовать при помощи буржуазных партнеров легальный рабочий съезд и взять на себя руководство рабочими, представителями которых они претендовали быть.

Однако в конце 1916 г. стало очевидно, что лидеры обеих групп не могут продолжать придерживаться курса, принятого после осени 1915 г. Процесс политической и экономической дезинтеграции в тылу и затажные неудачи российской армии на фронте, когда немецкие армии оккупировали Польшу и угрожали Прибалтике, убедили лидеров ЦВПК в том, что только свержение царского режима и замена его их собственным режимом и их политическими сторонниками может спасти Россию от военного поражения и политической дезинтеграции. Члены рабочей группы в свою очередь все в большей степени приходили к пониманию того, что их близкое отождествление с целями ЦВПК с позиций военной экономики послужило причиной потери политической поддержки со стороны более воинственных рабочих столицы⁴⁴.

⁴⁴ Для более полного обсуждения эволюции позиции лидеров Центрального военно-промышленного комитета и членов его рабочей группы в эти месяцы см.: РГИА. Ф. 1546. Оп. 1. Д. 22.

По этим причинам лидеры ЦВПК и его рабочей группы наряду с их союзниками среди более воинственных депутатов Государственной думы теперь пришли к выводу о необходимости безотлагательного принятия революционной тактики. Она заключалась, в частности, в проведении 14 февраля, в день, на который было назначено возобновление заседаний Думы, рабочей демонстрации в поддержку думской оппозиции. Эта демонстрация была проведена в назначенный день, но в ней приняло участие лишь небольшое количество рабочих, что, по мнению ее инициаторов, явилось следствием ареста накануне демонстрации членов Рабочей группы, ответственных за ее проведение. Эти аресты вызвали взрыв негодования среди депутатов-прогрессистов, которые пытались склонить других депутатов Думы присоединиться к их протесту. Однако когда Коновалов обратился с этим предложением к депутатам кадетской партии, он встретил яростный протест со стороны Милюкова, который возмущенно спросил его, на чей авторитет он опирается, поддерживая лидеров рабочей группы в проведении демонстрации в поддержку думской оппозиции⁴⁵.

Как известно, Милюков продолжал выражать такую враждебность по отношению к любой попытке радикальных политических изменений и в февральские дни 1917 г. (более того, даже столкнувшись с решением Николая об отречении от своего имени и от имени своего сына Алексея, лидер партии кадетов продолжал настаивать на том, что любое окончательное решение, касающееся судьбы монархии, должно быть отложено до созыва Учредительного собрания и объявления его вердикта относительно этой проблемы).

У Милюкова была масса возможностей как в то время, так и в его различных ретроспективных работах объяснить свое нежелание принять и осознать политическую реальность, которая лежала в основе гибели царистского режима и последующего течения революции 1917 г. На мой взгляд, нежелание, которое Милюков продолжал демонстрировать на протяжении революции, соответствовало слепоте царского режима в последние дни его существования и ограждало Милюкова от реалий политической ситуации.

Такая слепота со стороны приверженцев царского режима и лидеров либеральной и умеренной оппозиции была, пожалуй, одним из самых драматических показателей эффекта от процесса двойственной поляризации, который явился объектом нашего пристального внимания в рассмотрении разворачивающегося политического и социального кризиса в городской России со времени начала войны до Февральской революции 1917 г. Но что эти характерные особенности предреволюционного кризиса военного времени говорят нам о вкладе военного опыта России в революционный взрыв в феврале 1917 г.?

Я надеюсь, что читатели уже составили впечатление от дискуссии, в которой любая попытка дать однозначный ответ на этот вопрос приведет к чрезмерно упрощенным и вводящим в заблуждения выводам. Как я уже отмечал, вся сложность этой проблемы заключается в необходимости найти различия между эффектом структурных — обычно долговременных — политических и экономических факторов и краткосрочных аспектов конъюнктуры военного времени, включая роль отдельных событий и особенности некоторых действующих лиц. В связи с этим разрешите мне привести максимально точно выводы, полученные в результате анализа данной проблемы.

Возможно, наиболее важные из них могут быть обобщены в два дополнительных наблюдения. Они состоят в том, что в то время как все структурные элементы, кото-

⁴⁵ См.: ГАРФ. Ф. 102. Оп. 244 (ОО, 1914 г.). Д. 307а; Ф. 111. (ОО, 1917 г.). Д. 658.

Проблема политической и социальной стабильности в России накануне Войны и Революции

рые способствовали конечному падению царского режима и формированию предпосылок для революции 1917 г., всплыли накануне войны, совершенно очевидно, что эти элементы достигли беспрецедентных масштабов и вызвали дополнительную остроту в результате напряжения и страданий, которые война принесла Российскому государству.

Такое наблюдение касается, например, наиболее важной особенности внутренней дезинтеграции царского режима и его отношений с Государственной думой и кругом мнений, который представляла Дума. Я имею в виду, прежде всего, крах «объединенного правительства», которое обеспечивало относительно правильное функционирование исполнительной власти в столыпинский период, а также создавало необходимый буфер в системе представительного правительства между царем и бюрократами, которые пытались понять и выполнить его волю, — с одной стороны, и кругами общественного мнения, представленными в законодательных учреждениях России, — с другой.

Как было отмечено, первые признаки недостатков в функционировании этой системы появились задолго до войны, особенно в дискуссиях, проведенных без ведома председателя Совета министров Коковцова, между министром внутренних дел Н. А. Маклаковым и царем. Коковцов, узнав о них, положил им конец, уйдя в отставку, а его на посту председателя Совета министров заменил Горемыкин. Мы также наблюдаем, как процесс дезинтеграции «объединенного правительства» завершился летом 1915 г. конфронтацией между царем и большинством его кабинета, вызванной решением царя о принятии верховного командования армией.

Это и другие факты, касающиеся Совета министров, осветить которые можно лишь весьма бегло, сильно приблизили во время войны кульминацию этого продолжительного процесса губительного ослепления царя и его сторонников, который, как и любой иррациональный процесс, по моему предположению, не имеет адекватного рационального объяснения. Таким образом, на мой взгляд, лидеры Прогрессивного блока упорно продолжали демонстрировать пассивность до тех пор, пока не был сыгран сценарий коллективного самоубийства представителей царского режима, и его финал в конечном счете поглотил их.

Такое нежелание как либеральных, так и умеренных кругов Государственной думы во главе с Родзянко и Милюковым возглавить сколько-нибудь решительную оппозицию царскому режиму, сохранялось после образования Прогрессивного блока. Это нежелание основывалось, по видимости, на убеждении, что любой, кто встанет в воинственную оппозицию, будет вынужден стремиться к продолжению войны до победы, к чему так решительно призывали участники Прогрессивного блока. Однако мы наблюдаем в этой связи, что другие представители прогрессистов в Государственной думе и лидеры ЦВПК, которые равно стремились к «войне до победы», пришли к этому времени к противоположному выводу, что политической предпосылкой достижения победы в войне было свержение царского режима и установление нового политического режима в виде демократической республики, более способной эффективно мобилизовать поддержку и возможности русского народа.

В свете преюбужденности, наблюдаемой в особенностях и, несомненно, в аргументах этих двух направлений, мне кажется очевидным, что различия между ними продолжали исходить, как и до войны, из противоречивых оценок со стороны представителей обеих сторон в этих спорах их способности контролировать революционный потенциал русского народа.

В этой связи различия между настроением и поведением членов «цензового общества», которые с таким воодушевлением встречали Пуанкаре во время его посещения Петербурга в июле 1914 г., и рабочими столицы, особенно теми, кто на дру-

Нестор № 3

гом берегу так упорно противостоял усилиям органов правопорядка усмирить рабочий класс Выборгского района, уже тогда дали тревожное предупреждение о событиях, которые должны произойти. Они свидетельствовали о том, что война еще больше разделит наиболее зажиточный слой петербургского общества, включая либеральную интеллигенцию, и большинство промышленных рабочих столицы. Таким образом, война усиливала различные проявления двойственного процесса поляризации, который определил политический и социальный кризис в городах России. К тому же война способствовала углублению революционного процесса, вызвав упадок духа и, в конечном итоге, падение политической лояльности вооруженных сил, в первую очередь, конечно же, среди мобилизованных запасных в гарнизоне столицы.

Действительно, первые четкие сигналы о невозможности для царского режима рассчитывать на силы петроградского гарнизона в подавлении волнений рабочих появились уже в ноябре 1916 г., когда солдаты 181-го резервного полка приветствовали революционные демонстрации рабочих Выборгского района⁴⁶. Уже в это время звучали предложения со стороны членов Совета министров заменить эти полки более надежными гвардейскими полками, но никаких действий предпринято не было, возможно из опасений, что такие действия могут спровоцировать эти полки к мятежу. В любом случае, как показали февральские события 1917 г., проблема не могла быть решена так легко, так как это также ставило вопрос о готовности Генерального штаба и войск, находившихся под его командованием, участвовать в подавлении революционного мятежа в столице. Генеральный штаб в феврале 1917 г. не продемонстрировал какого-либо желания делать это (отчасти, как мы можем предположить, согласно организации Временного Комитета в Думе и появлению «двоевластия»).

В этом, как и в других отношениях, развертывание Февральской революции продемонстрировало, что двойственный процесс поляризации, который мы подчеркнули в нашем исследовании о предреволюционном процессе в России, к февралю 1917 г. зашел слишком далеко, чтобы допустить или даже сделать вывод о том, что верховное командование армией стремится прийти на помощь существующему режиму в попытке предотвратить крах самодержавия.

⁴⁶ В некоторой степени дальнейшая дискуссия представлена в статье Хеймсона и Брайана: *Strikes, Social Conflict and the First World War: an International Perspective*. Annali, Feltrinelli Editore. Milano, 1992. P. 421. Я также опубликовал ряд статей на эту тему на русском языке.